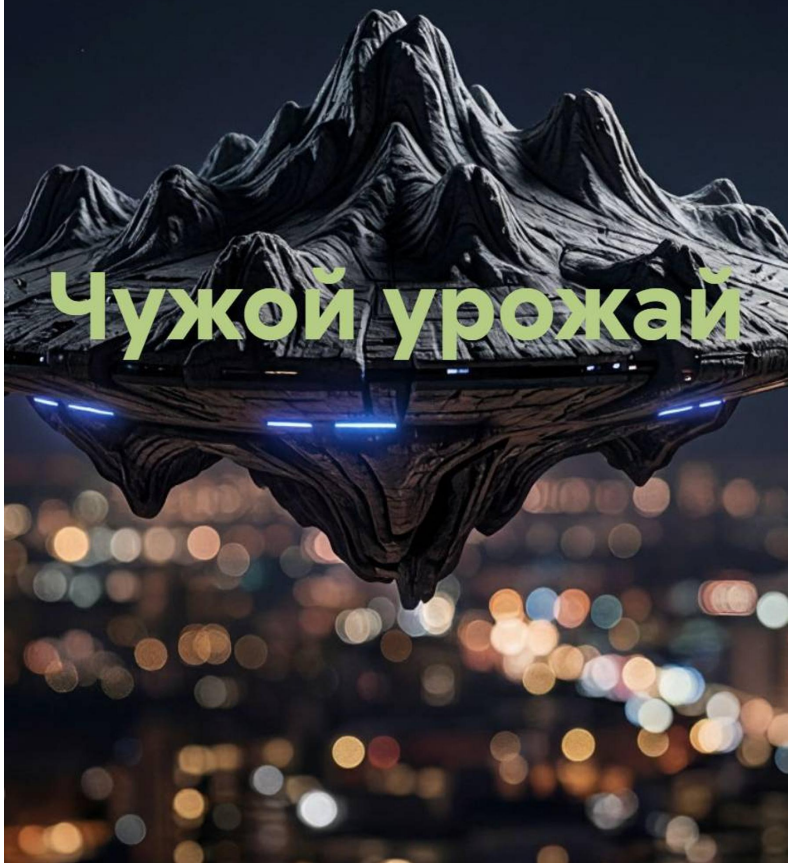

Александр Немальцев

Чужой урожай

Александр Немальцев

Чужой урожай

<https://litres.ru/73996811>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад человечество вступило в контакт с инопланетянами.

Они не похожи на монстров из фильмов.

Но они и не принесли нам даров в виде знаний или мудрости - лишь ультиматум.

Станьте урожаем для наших Сборщиков или будьте уничтожены.

Они не ненавидят человечество, не уничтожают Землю ради разрушения и не торжествуют, глядя на людские страдания.

Они просто работают — спокойно, методично, с холодным равнодушием существ, которые не видят в людях ничего, кроме ресурса.

Сверхтехнологии и безразличие — вот их главное оружие.

Когда человеческое оружие и техника оказались бесполезны, государства пали, а надежда стала непозволительной роскошью, кто сможет бросить вызов захватчикам и разобраться с целями их вторжения?

И возможно ли это вообще?

В мире, где люди стали ресурсом для чужой цивилизации, Олег не ищет спасения — он ищет причину продолжать свой путь.

И, возможно, находит её там, где не ожидал.

Содержание

Глава 1. Чужое небо.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Немальцев

Чужой урожай

Глава 1. Чужое небо.

Тишина была неправильной.

Не та тишина, что бывает ранним утром, когда город ещё спит и где-то вдалеке гудит первый трамвай.

Нет.

Это была мёртвая тишина — плотная, как бетон, давящая на уши и грудь одновременно.

Город не умолкал никогда.

Не умолкал до того момента, когда прибыли Они.

Олег Савин прижался спиной к холодной и сыроватой стене подвала, и медленно выдохнул сквозь зубы.

Три года.

Целых три года прошло с того дня, когда небо над планетой перестало быть его любимого, синего цвета.

Они появились в августе — внезапно и без предупреждения, словно кто-то всемогущий просто поставил на паузу то, что люди считали нормальным в своем мире.

Первыми их зафиксировали военные спутники — аномальные объекты на орбите, которые двигались не так, как

должны двигаться метеориты или космический мусор.

Они резко тормозили и также молниеносно ускорялись.

Меняли траектории.

Группировались.

Аномальное поведение вызывало тревогу.

У военных было около шести часов, чтобы понять, что происходит, — но эти шесть часов ничего не изменили.

Когда корабли начали входить в атмосферу, все системы предупреждения просто замолчали.

Разом.

Как будто их никогда не существовало.

Олег помнил тот день до мельчайших деталей и искренне недоумевал, каким образом, несмотря на дикий калейдоскоп обрушившихся на него событий, он продолжал это помнить.

Он стоял у окна своей квартиры на девятом этаже и смотрел, как над горизонтом медленно поднимается что-то тёмное.

Сначала он решил, что это грозовые тучи — огромные, неправильной формы, слишком низкие. Потом тучи начали двигаться против ветра, и он понял, что это не тучи.

Это были корабли.

Корабли были исполинскими.

Не такими, какими их рисовали в фантастических фильмах — обтекаемыми, блестящими, похожими на летающие тарелки, нет.

Они выглядели так, словно кто-то взял несколько горных

хребтов, сплавил их вместе и заставил подняться в воздух.

Тёмно-серые, почти чёрные, с неровной бугристой поверхностью, покрытой чем-то вроде органических наростов — Олег потом читал в одном из найденных журналов, что учёные так и не поняли, были ли корабли построены или выращены.

Края их светились тусклым синевато-фиолетовым светом — не так ярко и агрессивно, как это делал неон, а больше напоминая тлеющие угли.

Этот угрюмый свет не освещал ничего вокруг.

Он просто был.

Был предвестником грядущих ужасов.

Над Москвой зависло пять кораблей.

Над Нью-Йорком — четыре.

Над Шанхаем — три.

Всего ученые насчитали больше двухсот над большими да малыми городами планеты.

Просто появились одновременно.

Без единого звука при входе в атмосферу и прочих спецэффектов — никакого грохота, никакой ударной волны.

Просто возникли, как возникает тень от облака.

Первые несколько часов ничего не происходило.

Люди снимали происходящее на телефон, соцсети ломались от роликов, историй и обсуждений.

Словно грибы после дождя на свет полезли адепты Конца времен и различные фанатики всех мастей.

Правительства экстренно созванивались между собой и проводили совещания самых разных ведомств.

Военные взяли корабли на прицел — и не стреляли, потому что никто не отдавал такого приказа

А приказа не было, потому что никто не понимал, что делать.

Учёные пытались выйти на связь с визитерами — радио, лазерные сигналы, математические последовательности.

Тишина в ответ.

А потом пришельцы явили себя миру.

Первый контакт состоялся не в столице какого-либо государства или на закрытой военной базе.

Нет, все было просто и даже как-то банально.

Небольшой корабль, размером с многоэтажный дом, совсем крошка по сравнению с чудовищными материнскими судами — опустился на поле в Канзасе.

Весь мир, затаив дыхание, смотрел прямую трансляцию успевших прибыть на место первыми телевизионщиков и беспилотников отчаянных блогеров.

Люка в прямом понимании у тяжело, с каким всхлипывающим звуком коснувшегося земли корабля, не было.

Часть корпуса просто растворилась, стала прозрачной, а потом исчезла.

И они вышли.

Олег видел эти записи много раз. Помнил каждую секунду. Разные углы съёмки словно клеймо впечатались в его мозг.

Они были высокими — около двух с половиной метров.

Тонкими, почти хрупкими на вид, с длинными конечностями, которых было шесть: четыре нижних использовались для передвижения, два верхних — для манипуляций.

Кожа, или, возможно, скафандр — была тёмно-серой, матовой, с едва заметным пластинчатым рисунком, как у ящерицы, только крупнее. Их также покрывало что-то вроде тонкой блестящей плёнки, облежавшей тело и мерцавшей при движении.

Головы были непропорционально большими, вытянутые назад, почти без шеи.

Глаза — четыре штуки, опоясывали череп и светились слабым янтарным светом.

Рта в привычном понимании не было.

Вместо него — несколько тонких вертикальных щелей под глазами, которые двигались независимо друг от друга.

Они не произнесли ни слова, поскольку не общались звуком.

Позже выяснилось, что они использовали что-то вроде электромагнитных импульсов низкой частоты — люди рядом с ними чувствовали лёгкое головокружение и странное ощущение, будто кто-то пытается прочесть твои мысли.

Переводчики, которые они создали позже — небольшие устройства, имплантированные в захваченных людей — работали именно на этом принципе.

Они озвучили свои требования с помощью по-детски примитивных, но пугающих в своей жестокости рисунков.

Военные открыли огонь на двадцать третьей минуте переговоров, когда стало понятно, что выхода нет и не предвидится.

Пули остановились в полуметре от пришельцев — просто зависли в воздухе, потеряли скорость и упали на землю, словно ягоды с ветки.

Силовое поле было абсолютным.

Ракета, выпущенная с вертолётa, взорвалась в двухстах метрах от корабля — что-то перехватило её и детонировало раньше времени.

Следующая ракета взорвалась в пусковой установке, унеся с собой жизни экипажа вертолета и военного оператора.

Пришельцы даже не повернули головы.

Война длилась восемь месяцев.

Олег не любил называть это войной.

Война подразумевает, что у обеих сторон есть шансы победить, хотя бы в теории.

А это было скорее избиением — методичным, без злобы и без спешки, как работа опытного мясника.

Их техника была за пределами понимания.

Основным оружием служили разрядники — устройства размером с кулак, которые крепились на корпусах малых кораблей и создавали направленный электромагнитный импульс.

Один такой импульс выводил из строя всю электронику в радиусе километра — мгновенно и необратимо.

Танки вставали.

Самолёты падали.

Системы связи умолкали.

Ядерное оружие они нейтрализовали в первые три недели.

Никто так и не понял, как именно.

Просто однажды утром все ядерные боеголовки на планете стали обычными металлическими болванками. Специалисты были в шоке — физические законы не изменились, но что-то в самих устройствах перестало работать. Цепная реакция не запускалась.

Как будто кто-то вытащил из них невидимую деталь.

Малые корабли — охотники — были размером с минивэн и двигались с невозможной скоростью.

Они не летели по прямой, как самолёты.

Они перемещались рывками, мгновенно меняя направление под прямым углом, зависали на месте, разгонялись до скорости, при которой человеческий глаз терял их из виду.

Никакой реактивной струи, никакого звука двигателей.

Только тот самый низкий гул — вибрация, которую скорее чувствуешь телом, чем слышишь ушами.

Вооружение охотников было двух типов.

Первый — термический луч.

Узкий, почти невидимый, оставлявший после себя оплавленный металл и пепел, им они уничтожали технику и укрепления.

Второй тип оружия был куда страшнее — конус синего света, направленный вниз.

Он не убивал.

Он – собирал урожай.

Урожай из людей.

Олег видел это однажды и не мог забыть до сих пор.

Это было в первый год, когда он ещё пытался держаться вместе с разношёрстной группой выживших.

Они прятались в торговом центре — двадцать три человека, запас еды на месяц, генератор в подвале.

Казалось, нашли относительно безопасное место, где можно спокойно жить.

Пока одной ночью над кварталом завис Охотник.

Олег проснулся от резкого удара в грудь, словно по сердцу с размаху вдарили дубиной, и бросился к окну, часть которого была заткнута тряпками, облеплена клейкой лентой и обломками жалюзи.

Знакомое ощущение гула в сердце нарастало, дыхание начало сбиваться и тоскливое ощущение надвигающейся беды ледяной рукой сдавило душу.

Будь Олег собакой – он бы начал выть от горя.

И потому он ни разу не удивился, когда с неба камнем рухнул Охотник.

Корабль опустился метров до пятидесяти над землёй и завис неподвижно, искривляя вокруг себя пространство, ставшее похожим на полупрозрачные пластиковые ленты, выходящие вокруг его брюха.

Потом в его днище появилось светящееся отверстие – такое же, как тот первый люк в Канзасе, и из него буквально волнами потек вниз свет.

Синий.

Холодный.

Абсолютно ровный по краям, как будто кто-то очертил круг циркулем. Диаметр метров тридцать.

Он опускался медленно, почти торжественно, и там, где он касался земли, асфальт начинал слабо светиться в ответ.

Несколько людей, попавших в конус света, замерли словно кролики, загипнотизированные удавом.

Не падали, не кричали.

Просто останавливались — на полушаге, в полудвижении, словно в стасисе — и поднимали голову вверх.

Мгновение – и их лица становились совершенно пустыми, за мгновения теряя человеческое и становясь бездушными, будто манекены в витрине магазина.

А потом они начали подниматься.

Медленно, вертикально, как будто гравитация для них

внезапно поменяла направление.

Руки висели вдоль тела по швам.

Глаза открыты. Пусты

Ни один не сопротивлялся — не потому, что не хотел, Олег был уверен в этом.

Просто не мог.

Их было семеро, взятых той ночью.

Семь человек из соседних домов, которые вышли за водой или просто не успели спрятаться.

Корабль поднялся и ушёл на север так же бесшумно, как и появился.

Олег потом долго думал о том, куда их везут.

Искал информацию в обрывках найденных газетах, в радиопереговорах военных, пока те ещё выходили в эфир, на уцелевших интернет-ресурсах. Версий было много.

И ни одна не была утешительной.

На девятый месяц последнее правительство подписало капитуляцию.

Условия были просты и чудовищны одновременно: пришельцы получали право Свободного Сбора — так это официально называлось в документе, который потом расходился в копиях по всем убежищам и транслировался в уцелевших средствах массовой информации.

Свободного сбора людей.

В обмен они обещали не уничтожать остатки инфраструк-

туры и не применять оружие против тех, кто не оказывает сопротивления.

Большинство правительств согласилось.

Некоторые люди тоже согласились — создавали так называемые зоны Сотрудничества, огороженные кварталы, куда пришельцы прилетали по расписанию и забирали добровольцев.

Взамен остальным жителям давали еду и защиту.

Олег однажды видел такую зону издалека.

Долго смотрел на сияющие огни, слушал доносящиеся звуки музыки, обрывки разговоров, временами даже смех.

Потом ушёл.

Он предпочитал подвалы.

Гул нарастал.

Олег прижался к стене и замер.

Патрульный корабль шёл низко — метров сто над землёй, судя по интенсивности вибрации.

Малый разведчик, без сборочного конуса. Просто патруль.

Он закрыл глаза и начал считать секунды.

Главное правило, которое он усвоил за три года: когда слышишь гул — замри.

Они реагировали на движение лучше, чем на тепло.

Лучше, чем на звук.

Их сенсоры улавливали кинетику — любое перемещение массы в пространстве.

Неподвижный человек был для них почти невидим.

Почти невидим.

Пятьдесят восемь.

Пятьдесят девять.

Шестьдесят.

Удар сердца.

Гул начал удаляться.

Олег выдохнул и открыл глаза.

Сквозь щель в досках, которыми было забито подвальное окошко, пробивался бледный синеватый свет.

Их свет.

Не луна, не фонари — фонари давно не работали.

Это светились материнские корабли, которые постоянно висели над городом на высоте двух километров.

Огромные, неподвижные, равнодушные.

Как горы.

Как погода.

Как что-то настолько большое, что разум перестаёт воспринимать это как угрозу и начинает воспринимать как данность.

Олег иногда думал, что именно это было самым страшным — не страх, а привыкание.

Город умирал медленно. Это было почти красиво — если не думать о том, что это значит.

Олег поднялся на ноги, разминая затёкшие колени, и осторожно подошёл к лестнице, ведущей наверху.

Наверху было тихо.

Он выскользнул из подвала и прижался к стене дома.

Улица, которую он помнил шумной и живой, теперь выглядела как декорация к фильму, съёмки которого давно закончились и теперь их оставили на растерзание беспощадному Времени.

Широкий проспект был завален брошенными автомобилями — они стояли вкривь и вкось, некоторые с распахнутыми дверями, как будто люди выскакивали на ходу.

Казалось, будто одни машины вопят от ужаса выпученными фарами и треснувшими стеклами, а другие просто ждут своих хозяев.

Стёкла большинства машин были целы — никто их не бил, просто бросили и ушли.

Или не ушли.

Покосившееся детское кресло, брошенный и раздавленный в спешке смартфон, жалобно прижавшийся к ободу колеса облезший плюшевый мишка — все это навевало лишь грусть и желание сбежать из умирающего города.

Сквозь трещины в асфальте пробивалась трава.

Не робкие одиночные стебли, а настоящие густые пучки, местами уже по колено.

Корни взламывали дорожное покрытие снизу, и целые

плиты асфальта вздыбились, как льдины во время ледохода.

Посреди проспекта из трещины вырос молодой клён — тонкий, но уже метра полтора высотой, с ярко-зелёными листьями, совершенно не понимающий, что растёт не там, где ему положено.

Витрины магазинов были разбиты — но не все и не сразу.

Некоторые лопнули от перепадов температуры, другие были выбиты в первые месяцы, когда люди ещё пытались запастись едой.

Теперь за битыми стёклами царил полумрак и запустение.

В одном супермаркете, куда Олег недавно заглянул, поселилась лиса с лисятами — устроила логово прямо между стеллажами с испорченной едой и товарами для дома, которые никому уже не были нужны.

Рекламные вывески покосились, некоторые упали и лежали поперёк тротуара.

Буквы на них выцвели, краска облупилась.

Одна большая реклама какого-то банка с улыбающимся мужчиной в строго деловом костюме всё ещё висела на фасаде — но дождь и время сделали своё дело, и теперь улыбающийся человек смотрел с неё белёсыми пятнами вместо глаз.

Светофоры не работали.

Фонари не работали.

Провода на столбах провисли, некоторые лежали прямо на земле — их никто не убирал.

Некому, да и незачем.

Запах города тоже изменился.

Раньше он пах выхлопными газами, едой из кафе, асфальтом в жару, людьми в метро.

Теперь он пах землёй и сыростью, прелыми листьями, ржавчиной и чем-то ещё — сладковатым и тяжёлым, что Олег старался не идентифицировать.

Зато вернулись птицы.

Это было странно и одновременно правильно — вороны, голуби, воробьи теперь чувствовали себя здесь хозяевами.

Стаи ворон сидели на крышах и проводах, наблюдая за улицей с умным видом существ, которые давно подозревали, что всё так и закончится.

Где-то в глубине дворов пел дрозд — чисто, звонко и совершенно неуместно.

Высокие здания стояли целыми — пришельцы не разрушали архитектуру, она им была не нужна, но без людей дома быстро старели.

На их фасадах неумолимо расплзались пятна плесени и мха.

Балконы зарастали — кто-то когда-то держал там цветы в горшках, и теперь эти цветы одичали, свесились через перила, переплелись с соседними балконами.

Если бы не корабли в небе, это могло бы выглядеть почти красиво, - размышлял Олег, - природа, возвращающая своё.

Жизнь, заполняющая пустоту.

Но корабли были в небе.

Всегда.

Он посмотрел вверх.

Материнский корабль висел над горизонтом — тёмная гора с холодными огнями по краям.

Неподвижный.

Вечный.

На его бугристой поверхности медленно пульсировало что-то живое — ритмично, как дыхание.

Синеватый свет от его краёв окрашивал низкие облака в мертвенный сиреневый цвет, и вся эта картина — заросший проспект, мёртвые фонари, одичавшие балконы и эта чудовищная туша в небе — выглядела как иллюстрация из книги, которую никто в здравом уме не рискнул бы читать детям на ночь.

Потерев переносицу, как он делал всегда в моменты крайней задумчивости, Олег провел в голове инвентаризацию нехитрого скарба в рюкзаке.

Четыре банки консервов две из них - горячо любимые им шпроты), фильтр для воды, нож, аптечка и старая фотография.

На фотографии — мама, папа и он сам, лет восьми, на даче.

Все улыбаются. Солнце светит. Небо над ними — просто небо.

Он не знал, где они сейчас, упорно гнал от себя прочь мрачные мысли, заставляя себя продолжать движение вперед, прочь от инопланетного ужаса.

Движение — жизнь, и единственное спасение в мире, где любой человек мог стать добычей пришельцев.

Никто не знал, по каким критериям они отбирали людей, но те, кто оттуда возвращались, больше не были людьми.

Кто-то просто превратился в безобидного овоща, доживающего остаток своей жизни в относительном покое, кто-то открыто боготворил и помогал захватчикам, а кто-то

Олег поморщился и отогнал последнюю мысль.

Потряс головой и сфокусировался на главном — цели своего путешествия.

Говорили — только слухи, долетевшие из перешептываний незнакомцев в темноте ночи, с которыми он делил старый сарай пару недель назад — что за городом есть зона, куда корабли пришельцев почти не залетают.

Аномалия в магнитном поле.

Может быть и правда, а может, просто болтовня.

Олег решил, что лучше проверить и поспешил расстаться с попутчиками, делая вид, что идет в другую сторону так быстро, как только мог.

Он поправил рюкзак и двинулся вперед — мимо брошенных машин, мимо вывески банка с пустыми глазами, мимо

молодого клёна посреди

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.